

В. С. ВИНОГРАДОВА

Саратовская государственная консерватория (академия)

им. Л. В. Собинова

МИРОЗДАНИЕ ПО МЕССИАНУ (о программах и авторских комментариях к фортепианному циклу «Каталог птиц»)

УДК 781:598.2

Согласно Мессияну, «... в артистической иерархии птицы – величайшие музыканты, существующие на нашей планете...» [6 с. 43]. Композитор наблюдал птиц постоянно, писал о них как о близких, радовался встречам с ними, выделял из них самых одарённых.

Степень внимания Мессияна к этим удивительным созданиям не имеет аналогов: «Это может быть грустно, но я, наверное, первый композитор, заинтересовавшийся пением птиц. Я не первый заинтересовался природой, до меня были Берлиоз и Вагнер, любившие горы, Дебюсси, любивший ветер, воду, облака, туманы и все самые прекрасные и самые поэтичные явления природы: о птицах же композиторы явно забыли» [6, с. 55].

Это суждение Мессияна требует некоторых пояснений. Безусловно, степень его погружения в мир птиц значительно превосходит всю предшествующую композиторскую орнитологию, но, тем не менее, французской музыке в целом близка тематика, связанная с образами птиц, примерами чего могут служить пьесы Куперена, Рамо, Сен-Санса, «Естественные истории» Равеля и многие другие опусы. Возможно, столь частое обращение композиторов Франции к образам птиц сопряжено с национальным образом мира, в котором, согласно А. Гачеву, воздух занимает первичное положение среди природных стихий [1].

Птицам посвящены многие произведения Мессияна, в том числе «Пробуждение птиц» для фортепиано соло и оркестра, «Экзотические птицы» для фортепиано соло, малого духового оркестра, ксилофона, колокольчиков и ударных, «Чёрный дрозд» для флейты и фортепиано. Упоминания о птицах встречаются в авторских комментариях к фортепианному циклу «Двадцать взглядов на младенца Иисуса», к «Квартету на конец времени», одна из частей которого названа «Бездна птиц», и к другим произведениям.

Центральным сочинением орнитологической направленности является «Каталог птиц» – фортепианный цикл, написанный Оливье Мессияном в 1956-1958 гг. «Каталог» состоит из тринадцати пьес, объединённых в семь тетрадей. Каждая из пьес носит название определённой птицы:

Первая тетрадь: I. Le Chocard des Alpes (альпийская галка); II. Le Lorient (иволга); III. Le Merle Bleu (синий каменный дрозд). *Вторая тетрадь*: IV. Le Traquet

Stapazin (чёрнопегая каменка). *Третья тетрадь*: V. La Chouette Hulotte (серая неясыть); VI. L'Alouette Lulu (лесной жаворонок). *Четвёртая тетрадь*: VII. La Rousserolle Effarvatte (тростниковая камышовка). *Пятая тетрадь*: VIII. L'Alouette Calandrelle (малый жаворонок); IX. La Bouscarle (широкохвостая камышовка). *Шестая тетрадь*: X. Le Merle de Roche (пёстрый каменный дрозд). *Седьмая тетрадь*: XI. La Buse Variable (канюк); XII. Le Traquet Rieur (белохвостая каменка); XIII. Le Courlis Cendre (большой кроншнеп).

Наряду с этими «центральными персонажами», в литературном тексте присутствуют упоминания и о многих других птицах (всего их более пятидесяти). Каждой пьесе предшествует подробная авторская программа, поэтично рисующая птиц и среду их обитания. Кроме того, в самом нотном тексте немало словесных комментариев, обращённых, главным образом, к исполнителям и содержащих указания, связанные с воплощаемыми образами.

Первое издание рукописи содержало иллюстрации художника Андре Бегена, специально созданные для «Каталога птиц». Иллюстрации выполнены в реалистической манере, птицы выписаны на них тщательно, почти с фотографической точностью. Хотя тот факт, что Мессиян предпочёл фотографиям «живые» рисунки, сам по себе показателен с точки зрения слияния орнитологического и художественного начал. Это слияние важно для творческих установок композитора, чьи программы и комментарии к «Каталогу» представляют ценность не только своими уникальными художественными достоинствами, но и научной составляющей; не случайно, рассказывая о птицах, сам композитор называет себя орнитологом.

Научная составляющая мессияновских текстов проявлена, прежде всего, в точных указаниях на определённых птиц, причём эти указания даны не только в названиях, принятых в бытовом определении на французском языке, но и на латыни. В комментариях к «Каталогу» Мессиян говорит о том, что написанию произведения предшествовали частые продолжительные поездки, цель которых состояла в подробных записях пения птиц: «... я попытался точно передать пение птицы, типичной для данного района, в окружении её соседей, а также пение в различные часы дня и ночи, в сопровождении, в гармоническом

и ритмическом плане, запахов и красок пейзажа, в котором эта птица живёт...» [6, с. 52].

Картины природы в авторских текстах к «Каталогу птиц» имеют явный космогонический отсвет. Центральным элементом этой космогонии становится солнце, взаимодействующее с разными природными стихиями и ландшафтами – небом, водными просторами, горами, долинами, скалами и т. д. Солнце заливают своим светом каменную пустыню (№ VIII); подобно сверкающей ленте, солнечный свет протягивается по морю (№ IV). Солнце определяет спектр красок мироздания: «Пруд кувшинок, 6 часов утра: восходит солнце, окрашивая всё вокруг в розовые, оранжевые и лиловые тона» (№ VII). Охватывая весь природный ландшафт, солнце преобразует мир, меняет палитру его цветов: «Начиная с вершины, вокруг него всё шире разливается золотое сияние до тех пор, пока солнце полностью не станет золотисто-жёлтым. Оно поднимается всё выше» (№ IV). Краски мира непрестанно меняются. Так, «небо окрасилось в розовые, оранжевые и фиолетовые тона..., становится тёмно-фиолетовым...» (№ VII).

Природные стихии и разные виды ландшафта воссозданы в текстах Мессиаана во взаимосвязи. Так, солнце взаимодействует с водой («... кроваво-красный диск отражается в озере, окрашенном в те же тона, постепенно погружаясь в воду», № VII), вода – с деревьями («В зелёной воде отражаются ивы и тополя», № IX). Игра солнца с морем ассоциируется у Мессиаана с цветовой палитрой драгоценных камней и минералов: море «голубое, как сапфир или Берлинская лазурь» (№ III), оно «серебрится на солнце» (№ XII).

Как видно из приведённых фрагментов, авторские комментарии рисуют не застывшую картину, а непрерывный процесс, происходящий в мироздании. Изменения в состоянии природных стихий, деталей ландшафта, в красках окружающего мира обнаруживаются постоянно; всё живёт, дышит, преобразовывается.

Даже горы представлены как явления живой природы, пробуждающие богатейшие, сменяющие друг друга ассоциации. Так, в пьесе № X гряда скал рождает у композитора аналогии с ритуальными, магическими видениями: «... скопление скал на Макс Эрнст напоминает каменных призраков в монашеских клобуках, несущих мёртвую женщину, волосы которой волочатся по земле... Гигантская рука возвышается над каменными монстрами, изображая магический символ...».

Такого рода описания-ассоциации наталкивают на воспоминания и вызывают многообразные ощущения, что делает их более насыщенными и живыми. Удивительные ассоциации, создающие переливающуюся богатейшим спектром красок картину мироздания Мессиаана, ценны как художественное явление. Подробные, ёмкие, они рожают перед глазами образы, создающие ауру удивительного, разнообразного, живого мира, в котором обитают птицы – основные персонажи «Каталога». В комментариях композитора представлены описания внешнего облика птиц, их повадок и, конечно, пения.

Обрисовка внешнего вида птиц в основном предстаёт посредством аналогий, метафор, сопоставлений. Это могут быть ассоциации с конкретными предметами; например, клюв птицы уподобляется серпу и ятагану: «... на высоких лапах, с очень длинным загнутым клювом в форме серпа или ятагана – это большой кроншнеп...» (№ XIII).

Природа со вкусом «одела» всех птичек, используя богатейшую палитру красок, сочетания цветов, различные их оттенки. Часто с целью воссоздания этого буйства красок Мессиаан приводит несколько градаций цветового спектра; например, у совы «пёстрое, рыжевато-коричневое оперение» (№ V); большой кроншнеп представлен: «... в полосатом оперении с вкраплениями желтовато-рыжего, серого и коричневого» (№ XIII).

Характер, манера поведения птиц (как своего рода персонажей театра природы) также отражены в мессиаановских словесных описаниях. Порой «амплуа» этих персонажей представлены в сопоставлениях – как, например, в первой пьесе («Альпийская галка»), где буквально в нескольких словах рисуется картина, наполненная энергетикой, исходящей от птиц: «Величественный и безмолвный, большой королевский орёл парит, широко раскинув крылья, поддерживаемый воздушными потоками. Слышатся хищное хриплое карканье и ворчание ворона, властелина высоких гор».

Иногда Мессиаан описывает полёт птиц; например, в № 4 читаем: «Трио больших воронов взлетает над прибрежными скалами с громким важным карканьем...». Порой возникают ассоциации с фигурами высшего пилотажа: «... Галки, с криками, совершают акробатические полеты (планирование, пикирование, мёртвая петля) над пропастями...» (№ I).

Мироздание Мессиаана полнится разнообразными звуками. В тексте постоянно встречаются такие речевые обороты, как «крик хохлатого жаворонка», «свистящие переливы скворца», «двойной хриплый крик фазана».

Пение птиц отражено в авторских текстах посредством богатейшей палитры ассоциаций, в том числе связанных с музыкой и поэзией. Наиболее часто встречаются музыкальные определения: «у крапивника стремительный и быстрый речитатив», «пронзительные рулады соловья...», «стаккато пусьтельги», «слышится долгое соло тростниковой камышовки», «отдалённые волшебные нотки...» (об удоде), «дробь на двух мелодичных нотах певчей славки», «скрипучие трели» (сарыча), «три ноты садовой овсянки», «чарующие репризы» певчего дрозда.

При описании техники владения голосом возникают аналогии с вокальным искусством (упоминание о «блестящем виртуозном пении» дрозда) и с типом речи (пение скворца Мессиаан называет «скороговоркой»). Ритмические фигуры пения птиц Мессиаан фиксирует посредством размера стиха: «анapest удода», «амфиакр горихвостки», «ямбические ритмы» коростели.

Тембровые особенности голосов птиц также передаются в мессиаановских программах посредством

ассоциаций; он пишет о «хрустальном перезвоне просянки», «переливах очковой славки», о «ликующем, звенящем» пении скворца, о певчем дрозде, который «добавляет свой чарующий тембр к жемчужным каскадам зарянки». Особенно часто возникают аналогии со звучанием музыкальных инструментов. Так, пение камышовки напоминает «звук ксилофона», в нём слышится «дребезжание струны и глассандо арфы»; в связи с пением удода говорится о «блестящих выпадах (словно звуки клавирина, слившиеся со звуком гонга)...», «рёв большой выпи» вызывает аналогии со звучанием охотничьего рога (№ VII).

В текстах фиксируется характер голоса птиц: например, зарянка обладает «вкрадчивым и нежным голоском», «причудливая весёлость» свойственна горной овсянке, «победоносная песнь» – зяблику, «громкое, резкое, прерывистое» пение отличает чёрнопеюгу каменку. Встречаются и уподобления настроению, как в описании пронзительных криков серебристых чаек, исполненных «резкой, дробной насмешки». Сравнение с голосом человека в состоянии аффекта находим в пятом номере: «...призыв неясный: то мрачный и печальный, ... то переходящий в вопль ужаса, словно крик избиваемого ребёнка!...». В одном из номеров описан «причудливый необыкновенный хохот зелёного дятла» (№ VII)

Ассоциациями с явлениями звукового мира полнятся тексты Мессиаана. Так, песню зарянки композитор сравнивает со звуком «перекагывающихся жемчужин, сминаемой бумаги, шелеста шёлка», пение камышовки – со «скребующимися звуками ... скрипом вынимаемой пробки», а «пеночка-теньковка добавляет в общую картину отрывистые звуки, похожие на падающие капельки воды». Порой пение птиц рождает зооморфизмы: «...мяукающие и тьякающие звуки, издаваемые сычом...».

Встречаются в мессиаановских программах и образы-ассоциации с фантастическими, ориентальными, мистическими явлениями: «слышно только отдалённое

уханье, похожее на звук колокола из потустороннего мира...» (№ V). Аналогии с музыкой экзотических стран рождает пение дрозда: «В скалистой расщелине, от которой отражается эхо, поет синий каменный дрозд... Его пение, почти экзотическое, напоминающее музыку Балинезии, сливается с шумом волн» (№ III).

Пение птиц представлялось Мессиаану неотъемлемым элементом мироздания, вписанным в космогонию солнца. В птичьем пении отражается их сопричастность миру, чувствительность к восходу и заходу солнца, к сезонным изменениям в природе: «Самое благополучное время года – весна, пора любви, то есть апрель, май, июнь, а лучшие часы – восход и заход солнца, то есть утром около шести часов в апреле и между четырьмя и пятью часами в июне и вечером около семи часов в апреле и около девяти и даже половины десятого в июне» [6, с. 50].

Это наполненное пением птиц звучащее мироздание антропоморфно, оно способно передать состояние и настроение окружающего природного ландшафта как живого существа. Так, в тринадцатом номере Мессиаан описывает пение большого кроншнепа, «... неторопливые грустные трели, спонтанные, постепенно нарастающие, и переливчатый трагический призыв, выражающий полное уныние морского пейзажа».

Все составляющие подробных авторских программ, комментариев и ремарок, которыми полнятся тексты «Каталога птиц», фиксируют, казалось бы, детали, носят характер отдельных зарисовок, кратких описаний картин и образов, но это не приводит к дробности, фрагментарности текста. Однако, за лаконичными зарисовками воссоздаётся целостное, пульсирующее мироздание; каждый элемент органично вписывается в него, дополняет неповторимыми красками. Все эти элементы сосуществуют рядом, в гармонии, образуя единую и удивительно живую картину мира, воссозданного композитором.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гачев Г. Национальные образы мира. – М.: Академия, 1998.
2. Екимовский В. Оливье Мессиаан. – М.: Сов. композитор, 1987.
3. Мессиаан О. «Вечная музыка цвета...»: речь на конференции в Нотр-Дам / пер. и примеч. Е. Кривицкой // Музыкальная академия. – 1999. – № 1. – С. 233-235.
4. Мессиаан О. Противоположности // Советская музыка. – 1988. – № 12. – С. 114-115.
5. Bernard J.W. Messiaen's Synaesthesia: the Correspondence between Color and Sound Structure in his music // Music Perception. – 1986. – № 1. – P. 41–68.
6. Messiaen O. Catalogue d'oiseaux pour Piano. – Paris: Alphonse leduc, 1975.
7. Samuel C. Entretiens avec Olivier Messiaen. – Paris, 1967.

Виноградова Вера Сергеевна

аспирантка кафедры истории музыки
Саратовской государственной
консерватории им. Л. В. Собинова

